

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕБОКСАР К ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ: ОПЫТ КВАЛИТАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эта статья представляет анализ мнений о чувашском языке, культуре и народе и отношения к этому 8 чебоксарцев 24–36 лет, которые были подробно проинтервьюированы. Это двое мужчин и шесть женщин с высшим образованием; они все носители русского языка в качестве единственного родного языка. Они также и полиглоты, владеющие в среднем 3,6 языками. Вначале исследование не нацеливалось только на этот сегмент молодёжного городского населения, знающего иностранные языки, но оказалось, что подавляющее большинство респондентов заявляли себя русскими по национальности. Интервью состоялись в мае и июне 2009 г. с помощью анкеты, в которой было более 100 вопросов. Разговоры были индивидуальные, продолжительностью 1–2 часа. Вопросы затрагивали широкий круг тем, включая вопросы о семье, политике, религии, культурных обычаях и, прежде всего, о чувашском языке.

Результаты показывают быструю языковую и национальную ассимиляцию городской молодёжи чувашского происхождения и её отчуждение от чувашской культуры. Несмотря на ежедневные контакты с чувашским языком и культурой, опрошенные имеют отрицательные стереотипы по отношению к этому. С другой стороны, респонденты заявляют, что они не против, чтобы их дети изучали чувашский язык в школе, если бы преподавание улучшилось, но в то же самое время они показывают, что они не будут стараться, чтобы это обучение было успешным. У анкетированных вызывает большое разногласие вопрос о более широком использовании чувашского языка в обществе.

Рассказы респондентов во многом совпадали друг с другом, даже были более единогласными, чем предполагалось. Это подтверждает значимость выраженных мнений. Кроме того, ответы согласуются с данными чувашской социолингвистической литературы. В некоторых случаях анализ интервью сопоставлялся с результатами в других подчинённых языковых группах вне России, чтобы получить более широкую перспективу во время обсуждения ответов.

Конечно, к результатам анализа нужно подходить критически. Качественное социологическое исследование не может претендовать на распространение определённых мнений в обществе; оно может лишь указывать на тенденции. Но всё же оно позволяет глубже понять факторы, которые существуют в данной ситуации.

Профиль членов группы был выбран по разным причинам: (1) как молодые люди, они, возможно, будут родителями, и понимание их мнений и отношения к языку позволит более четко представлять тенденции, характерные для нового поколения; (2) как молодые горожане, они представляют большую часть молодёжи в Чувашии в результате депопуляции деревень; (3) как горожане с высшим образованием, они могут считаться референтной группой, чьи мнения и отношения к языку будут влиять на общество в большей степени; (4) как полиглоты, они показали способность изучить в совершенстве один или несколько иностранных языков; следовательно, оказывается особенно интересным исследовать именно эту группу: почему ни один из них не выучил местный чувашский язык.

Выбор интервьюированных был не случайным, а через контакты в эсперанто-движении и на факультете иностранных языков. Интервью были на эсперанто, испанском и английском, но на некоторые вопросы были получены ответы на русском языке для уверенности в точности информации.

Национальность

Все респонденты родились в Чебоксарах или переехали сюда на первом году жизни. В двух случаях они жили до 10 лет частично в городе и частично вне Чувашии.

Все опрошенные считают себя русскими по национальности и говорят дома только на русском. В половине случаев хотя бы один из родителей — чуваш. Для людей, родившихся

в Чувашии и живших здесь постоянно (или большую часть жизни), результат может указывать на быструю ассимиляцию среди горожан или, по крайней мере, среди таковых с высшим образованием [4, с. 83; 5, с. 271–277; 6, с. 276, 297–302]. В двух случаях, хотя респонденты заявляют себя русскими, в течение разговора они также добавляли, что по документам и переписи 2002 г. они чувашаи. В одном из этих двух случаев оба родителя – чувашаи; в другом отец – чуваш и мать – русская (этническое происхождение респондентов можно просмотреть в табл. 1). Остальные два случая с чувашским родителем: отец – чуваш, мать – русская; отец – русский, мать – чувашка.

В трёх случаях оба родителя – русские. Из этих трёх в одной семье оба родителя родились вне Чувашии; в дру-

*Таблица 1**

Этническое происхождение респондентов¹

Отец	Национальность	Чуваш	Чуваш	Чуваш	Русский	Русский	Русский	Русский	Русский
	Место рождения	Дер. ЧР	Чеб.	Дер. ЧР	Вне ЧР	Чеб.	Вне ЧР	Вне ЧР	Вне ЧР
	Родные языки	Чув.	Рус., чув.	Рус., чув.	Рус.	Рус.	Рус.	Рус.	Рус.
Мать	Национальность	Чувашка	Русская	Русская	Чувашка	Русская	Русская	Русская	Татарка
	Место рождения	Чеб.	Вне ЧР	Вне ЧР	Дер. ЧР	Чеб.	Чеб.	Вне ЧР	Р.ц. ЧР
	Родные языки	Рус., чув.	Рус., морд.	Рус.	Чув.	Рус.	Рус.	Рус.	Тат.

* Сокращения: дер. — деревня, нац. — национальность, место рож. — место рождения, морд. — мордовский (эрзя или мокша), р.ц. — районный центр, родные яз. — родные языки, рус. — русский, тат. — татарский, Чеб. — Чебоксары, чув. — чувашский.

гой — отец из Чебоксар и дедушка — чуваш (этническая ассимиляция произошла в предыдущем поколении); в третьей семье оба родителя — чебоксарские русские. Последний случай: отец — русский*, мать — татарка. Здесь отвечающий не знает татарского языка («меньше, чем чувашский»), хотя мать использует его в общении с татарской семьёй. Этот участник оказался православным, хотя мать — мусульманка.

Часто русские родители являются родившимися в межнациональном браке, где ни один из родителей не был русским. В одном случае бабушка была репрессирована из-за своей латышской национальности и скрыла её. В другом дедушка русифицировал свою армянскую фамилию из-за социального напряжения в русской среде (вне Чувашии), где он жил. Такие семейные рассказы могут влиять на русификацию, когда в новом поколении случается смешанный брак.

С другой стороны, все 5 чувашских по национальности родителей были чувашскоговорящими, хотя двое из них (оба родившиеся в Чебоксарах) использовали и русский как родной язык. (Что родной язык — это мнение отвечающих. Из двух двуязычных чувашско-русских родителей, родившихся в Чебоксарах, хотя бы один говорил дома лишь на русском и использовал чувашский язык с родственниками в деревне. Поэтому определение, что родитель изучил язык в совершенстве в детстве, вероятно). В другом интервью, где анкетированный, выросший в городе, заявлял себя чувашом, он считал и русский, и чувашский родными языками, но говорил намного свободней на русском, чем на чувашском; следовательно, он не передал чувашский язык детям, и они, вероятно, почувствуют себя больше русскими, чем чуваша-

* Это единственный случай из всех интервью, где сообщалось, что чуваш, родившийся и живший в деревне, говорил и на русском в качестве родного языка. Дедушка респондента был преподавателем и использовал дома оба языка. Этот факт подкрепляет тезис, что люди с высшим образованием являются более склонными к ассимиляции, даже в деревнях. Кроме того, следует помнить, что преподаватели были одной из основных групп для распространения ассимиляции в других странах, например во Франции. Возможно, что и в России будущие преподаватели находились под влиянием идеологии, подчеркивающей важность доминирующего языка в качестве необходимого условия для социального подъёма и в то же время ратовавшей за то, что использование дома подчинённого языка затрудняет изучение доминирующего. Таким образом, преподаватели могут становиться важнейшим фактором языкового сдвига деревенских семей.

ми или, скорее всего, только русскими. Передача языка в семье является необходимой для поддержания чувства национальности, хотя в городе без школ и без среды общения на чувашском языке чувашскоговорящая молодёжь, кажется, владеет лучше русским, чем чувашским, и, следовательно, склонна передать русский язык новому поколению. Кроме того, высшее образование включает в себя более продолжительный контакт с русскоязычным образованием и со средой, где русский язык доминирует в большей степени. Это могло бы произойти и в предыдущем поколении: шестеро отцов и пять матерей получили высшее образование. Итак, чем образованней люди, тем более вероятна русификация, и, чем больше распространён доминирующий язык среди высших слоёв населения, тем больше давление на другие страты общества, чтобы они принимали его как основной язык.

На самом деле, советская система строгой фиксации определённой национальности в большей степени идёт на пользу доминирующей группе, так как эта группа является социально не маркированной. Некоторые подчинённые сообщества, например каталонцы, не находили мудрым, что люди были вынуждены считать себя лишь членами доминирующей или членами подчинённой группы. Напротив, они обычно принимают позицию, чтобы люди считали себя членами обоих сообществ. Итак, хотя респонденты главным образом определяли себя как русские, некоторые их ответы показали в определённой степени идентификацию и с чувашами. Главнейший показатель – использование местоимений первого и третьего лица в определённых случаях, например, «мы», «наша культура», когда участник говорил о чувашской культуре. Кроме того, были пояснительными ответы на вопросы о возможности исчезновения чувашского языка. Только один человек ответил, что утрата чувашского языка его не касается. Для этого человека, кажется, поведение русских, в том числе и его, по отношению к чувашскому языку не имеет влияния на будущее языка. И наоборот, обычно отвечающие выражали глубокое неудовлетворение от возможной потери. Они очень надеялись, что этого не случится. Они русские, но чувашские русские.

Изучение в школе и языковое забвение

Четверо из восьми респондентов (самые молодые) изучали чувашский язык в школе. Один из них считает этот опыт как «интересный вначале», но «потом это, в основном, потеря времени, потому что [чувашский язык] не нужен». В трёх других случаях изучение оказалось «потерей времени». Один из интервьюированных говорит об «ужасном опыте», а другой — о «самом нелюбимом занятии для всех», но третий заявил, что ему очень нравился преподаватель. Напротив, занятия по литературе в последние два года школьного обучения обычно казались интересными (здесь необходимо добавить, что только один из опрошенных учился на техническом факультете в университете, но он не изучал чувашский язык в школе).

Хотя для анкетированных низкая ценность языка, несомненно, играла основную роль, жалобы были, прежде всего, на их взгляд, на устаревшую педагогику, не адаптированную для неносителей языка. Важно отметить, что критика идёт от людей с большим опытом в изучении языков; в некоторых случаях они являются преподавателями иностранных языков.

Четверо из восьми респондентов сказали, что они забыли знания, полученные при изучении чувашского языка, потому что они не использовали язык в течение нескольких лет. Один из них учил язык в школе и летом использовал его в деревне. У других родители — русские. Двое учили язык в школе, третий — сам. Один из первых двух смог немного поговорить на чувашском языке — другой «никогда не знал более 200–300 слов», хотя он владеет четырьмя иностранными языками, включая и один неиндоевропейский.

Особенно интересным является случай самообучения, так как необычно, что человек без местных корней изучал чувашский язык. Это происходило во время обучения в университете, когда в течение трёх лет он проходил практику главным образом в чувашскоязычной среде в районном центре Чувашии. Как показывают исследования по каталонскому языку, смена языка общения происходит в определённые моменты жизни. Основными являются именно период обучения в университете и поступление на первую работу [16]. В течение этих трёх лет респондент мог общаться на

элементарном чувашском языке, но работа закончилась, связь с чувашскоязычной средой прекратилась, и язык был утерян.

Кроме того, исчезает и обычный способ изучения чувашского языка горожанами. Владение русским языком распространилось в деревнях до такого уровня, что новые поколения не испытывают дискомфорта, когда говорят на русском языке с детьми, проводящими лето у бабушек и дедушек. Этот факт становится ясным из рассказа одного из респондентов. Как он, так и его отец родились в Чебоксарах, и их чувашские родители говорили с ними на русском языке. Оба учили чувашский язык в деревне, где проводили лето. Отец свободно владеет им, а сын только говорит на нём с большим трудом, но, несмотря на это, он является единственным респондентом, который хотя бы иногда использует чувашский язык. (Необходимо также иметь в виду, что данный респондент не заявляет чувашский среди языков, которыми он владеет. Это, может быть, потому, что он плохо владеет им. Также низкий престиж чувашского языка может влиять на то, что человек не заявляет, что владеет им, но делает это с престижным языком, которым владеет на похожем уровне.) В результате этого, отец считает себя чувашом, а сын – русским. В общих словах: горожане оказываются элементом русификации деревень, в то же время деревни потеряли силу как элемент очувашивания города. Городские дети нормализуют бытовое употребление русского языка там, где оно практически не существовало. Таким образом, являемся свидетелями процесса языкового сдвига от Центра к периферии [14, с. 64–66].

Межнациональные контакты

Ответы на вопросы о национальности друзей и коллег указывают на частые и дружеские взаимоотношения между представителями разных национальностей. Этот факт подтверждает количество межнациональных браков. Вопреки этому, унижительные комментарии о чувашском народе, культуре и/или языке не были необычны. Одно из респондентов можно, несомненно, определить как чувашофоба. Его даже можно назвать расистом, потому что его слова показали, что, как обычно, ненависть против определённой национальности не является эксклюзивной, но расизм только

конкретизируется в большей степени на ближайшую этническую группу, в том числе чувашей. Необходимо добавить, что самые унижительные комментарии были сделаны людьми чувашского происхождения. Этот факт широко распространён у подчинённых народов и является типичной реакцией новообращённых, преувеличивающих добродетели новой веры и пороки старой. В каталонской социолингвистической литературе это называется «самоненавистью» («autoodi») [9, с. 37, 171; 17, с. 41–47], а в России самый распространённый термин — «национальный нигилизм».

Стереотипы

Как отрицательные, так и положительные комментарии о всём народе опираются на стереотипы. Например, большинство анкетированных устанавливают взаимосвязь между чувашским языком и деревней. Самое впечатляющее: респондент рассказал, что, смотря пьесу в театре на чувашском языке (с переводом), он чувствовал, что стоял перед «Дон Жуаном в деревне». Отношение данного человека к языку является, главным образом, положительным, и на это указывает его желание увидеть постановку на чувашском языке. Вопреки этому, настолько сильной оказывается у него стереотипная идентификация языка с деревней, что она не исчезает во время спектакля. И конечно, чем сильнее эта идентификация, тем более склонными к русификации будут горожане. Необходимо отметить, что общественное использование чувашского языка в городе (например, на уличных знаках и в сообщениях в троллейбусах) является очень малым, недостаточным, чтобы жители чувствовали, что город действительно двуязычен. Это вызывает ощутимую взаимосвязь чувашского языка с деревней. С другой стороны, случай показывает, как человек с двумя высшими образованиями не осознаёт этот стереотип и не противодействует ему. В том числе нужно добавить и очень распространённую в России оценку того, как красиво или неприятно звучит язык: большинство анкетированных так говорили.

Кроме того, существует и другая связь с чувашским языком, не менее вредная, о которой упомянули разные отвечающие, — политика. Наиболее ясно это сформулировал один из участников. По его мнению, чувашский язык является нужным, даже необходимым только в одном случае:

если кто-то хочет заниматься политикой. Связь с политикой является особо опасной, потому что в обществе могут начать считать чувашский язык одним из условий для сохранения привилегий политиков. А если это чувство действительно распространяется, проблема неэффективности школьного преподавания чувашского языка постепенно будет усиливать его.

Политические действия также не являются связанными с чувашским языком в ментальных представлениях анкетированных: это язык деревни, а не язык Кабинета министров. В ответах ни одного из участников не проскользило чувство, что чувашский – язык правительства (как, например, получается в Каталонии, где существуют мощные правительственные действия в пользу языка). Фактически, большинство думает, что чувашское правительство делает мало (или даже ничего) для языка или, по мнению других, действует лишь формально.

Чтобы выявить устоявшиеся стереотипы, анкетированных просили назвать первые три идеи, которые приходят на ум, когда слышат словосочетание «чувашский язык». Ответы можно разделить на три группы. Одна из них связана с обучением: «суффиксы», «новые слова», «трудный». Другая, наиболее частотная, относится к экзотике, к чему-то чуждому: «женщина в национальном чувашском костюме у реки и ивы», «тюркский»* (3 раза), «восточный», «языческий» (необходимо добавить, что прилагательное использовал участник, который посещает церковь каждую неделю), «необычный», «бабушкин»; но также бывает и наоборот, хотя в гораздо меньшей степени: «национальный», «Чувашская Республика». Третью группу составляют прямые оценки языка: «не очень красивый», «бесполезный»; но также: «интересный», «искренний». В течение разговоров было намного больше прилагательных этого типа для языка: «некрасивый», «неважный», «скудный», «безынтересный», даже «примитивный».

* Интересно добавить, что это сказал и респондент, который пожаловался, что «никто [в школе] не объяснил, что чувашский язык принадлежит к другой языковой группе». Возможно, что слово «тюркский» использовалось несколько раз в течение его школьного обучения, но он не понял точное значение. Может быть, стоит порекомендовать проанализировать, как это понятие представлено в учебниках и с какой целью.

Напротив, для сравнения, ответы о русском языке прежде всего были типа: «родной», «могучий», «сильный», «богатый», «чистый», «литературный» и т.д.*; и об английском языке: «нужный», «коммерческий», «экономия», «международные отношения», «глобализация», «всемирный», «иностранный» и т.д.

Польза языка

Респонденты думают, что знание чувашского языка не важно. Единственное исключение — политики**. Им не хотелось бы, чтобы они обучались языку в школе лучше. Кроме того, они почти никогда не чувствовали нужды в нём. Вопреки этому, в четырёх случаях коллеги на нынешнем или предыдущем месте работы использовали часто чувашский язык в неформальных разговорах между собой. В одном случае, как мы видели, анкетированный начал учить чувашский язык. Другие два испытывали дискомфорт, но не учили; по крайней мере, в одном случае это было, по всей вероятности, фактором для изменения работы. Четвертый респондент не испытывал ни дискомфорта, ни желания изучать язык. Он объяснил, что, хотя подавляющее большинство коллег общается на чувашском между собой, рабочие заседания проходят лишь на русском языке.

Также важно проследить интересы анкетированных. Многие из них высказали свой интерес к авторской песне и в меньшей степени к року. Они посещают концерты, но только на русском языке. Что касается музыкальной культуры на чувашском языке, они упомянули только фольклор и — на втором месте — эстраду. Кажется, что интересы горожан не совпадают с тем, что они знают о чувашской культуре. Необходимо подчеркнуть, например, что в Стране Басков и Каталонии авторская песня на баскском и на каталонском языках приобрела мощную силу в 60-х и 70-х годах и помогла приблизить испаноязычное население к местным языкам. Подобное движение возникло и позже в обоих регионах

* Участник сказал: «Русские и за рубежом должны бы говорить на нём». Это показывает его искреннее национальное чувство, в большей степени потому, что он даже не высказал интереса изучать язык матери.

** По правде сказать, один анкетированный дал другой ответ: «Интерес к истории». И при ответе на вопрос: «Хотели бы вы лучше изучать чувашский в школе?» — добавил: «Было бы интересно посетить Булгар».

благодаря широкому всплеску рока на баскском и каталонском языках.

Несмотря на все эти отрицательные моменты, большинство анкетированных хотели бы, чтобы их дети учили чувашский язык, а некоторые добавляли, что «нужно изменить методику обучения». Четверо из них согласны, чтобы язык преподавался как обязательный предмет в школе, но другой заявил, что «как сегодня преподаётся, лучше не преподавать»*. Вопреки всему, возможно, что у большинства существует какая-то национальная или языковая лояльность к Чувашии и чувашскому языку; но также возможно, что они не хотели лишить своих детей доступа к привилегиям, которыми, по их мнению, наслаждается политический класс. С другой стороны, обе эти возможности показывают, что опрошенные видят будущее своих детей в Чувашии. Этот факт чрезвычайно важен для языка. К сожалению, большой отток молодых специалистов внушает опасение, что уверенность молодых родителей в будущем своих детей в Чувашии может ослабеть. Показатель этого переселения: двое из восьми респондентов сегодня, через два года после интервью, постоянно живут вне Чувашии: один – в Подмосковье, другой — за рубежом.

Будущее языка

Положение чувашского языка не является статическим, это постоянно развивающийся процесс. Для того, чтобы предсказать будущее, необходимо узнать эволюцию ситуации и влияющих на неё факторов. Шестеро из восьми респондентов утверждают, что их отношение к языку улучшилось на протяжении предыдущих 10 лет, и, напротив, большинство из них не ощущало такого улучшения в обществе; некоторые даже думают, что общественное мнение о чувашском языке ухудшилось. Причины изменения личного отношения связаны прежде всего с посещением зарубежных стран – Каталонии, Страны Басков, США, а также эсперанто-мероприятий. Один из анкетированных добавил, что, кроме пребывания за границей, сыграло роль и его участие во всероссийском фестивале и изучение лингвистики в университете. Чем глубже знакомство со многими положи-

* Доли двух ответов являются похожими и у чебоксарских родителей, анкетированных И. Бойко [3, с. 134].

тельными ситуациями многоязычия в мире, тем больше возможностей улучшения отношения к чувашскому языку и народу.

Кроме того, ответы показывают, что респонденты являются более благосклонными к русско-чувашскому билингвизму в семье, чем их родители. В самом деле, большинство считало, что им кажется хорошо, если их муж или жена говорили бы на чувашском языке с детьми. Напомним, что ни один из пяти чувашскоговорящих родителей не передал язык новому поколению. Мы не знаем точно, по какой причине чувашскоговорящие родители действовали так; возможно, из-за дискомфорта супруга или супруги от непонимания чувашского языка. Можем предположить, что знание языков опрошенными и их опыт за рубежом играют роль в положительном отношении к билингвизму в семье. Этот факт внушает надежду на то, что смешанные браки в городе могут быть в меньшей степени факторами русификации, по крайней мере, в этом сегменте населения.

Но неясно, является ли достаточным это улучшение отношения к билингвизму, чтобы интервьюированные стали готовы к расширению сферы использования чувашского языка в обществе. По этому поводу существует большое разногласие. Кроме того, позиция по этому вопросу оказалась иной по сравнению с большей и меньшей симпатией к чувашскому языку и культуре: участники, благосклонные к языку, выражали сомнения, а другие, не очень расположенные к нему, ответили положительно.

Один из несогласных заявил, что сегодняшнее положение «нормально», то есть распределение функций между языками в обществе нельзя изменить. «Кто хочет, тот использует [чувашский язык]», — добавил он. Другой возражающий объяснил свою позицию иначе: расширить сферу использования чувашского языка среди чувашей нужно, но это, по его мнению, привело бы к упадку русского языка. Согласно этому, чем больше чувашский язык использовался бы, тем сильнее было бы национальное чувство чувашей и тем хуже стало бы использование русского языка.

Это был не единственный человек, который связал в отношении причины и следствия рост чувашского языка и упадок русского. По мнению другого анкетированного, сегодняшнее поколение больше говорит на чувашском языке,

чем предыдущее, и добавил: «Может быть, потому, что не знает русского языка». Конечно, новое поколение говорит на русском; проблема в том, что оно не владеет письменным языком в такой мере, как предыдущее поколение. Это происходит в мире везде, и это — следствие изменения навыков: меньше чтения и больше использования аудиовизуальных средств. Но важно здесь, что изменение в знании русского письменного языка считается следствием предполагаемого роста чувашского языка (рост, который заметил только один респондент из восьми).

Ответы показывают, насколько чувствительным является вопрос изменения веса языков в обществе, несмотря на то, что действительны или лишь воображаемы эти изменения. Часть русскоговорящего населения, хотя она, в принципе, согласна, чтобы их чувашскоговорящие сограждане использовали свой язык, боится, что это могло бы лишить их привилегий.

Выводы

Исследование отмечает сильную языковую и национальную ассимиляцию городской молодёжи. О. Насырова совершенно правильно говорит, что «второе поколение (чувашей. — *Алос и Фонт*) приезжающих из деревень практически становится русскоязычным» [8, с. 134]. А. Игнатьева и её коллеги представляют опорные сегодняшние данные: по их анкетам есть 10% чебоксарских школьников, для которых чувашский является хотя бы одним из родных языков, вопреки тому, что 58% родителей — чувашскоговорящие [7, с. 5, 7]. В.П. Иванов и О. Васильева [*op. cit.*] добавляют, что сыновья и дочери состоящих в межнациональном русско-чувашском браке часто становятся русскими по национальности. Всё это следует из этих интервью. Но важно идти вперёд и понимать социальные и психологические факторы, которые действуют в этом процессе.

Участники интервью, несмотря на усилия, которые они вкладывали в течение ряда лет в изучение иностранных языков, не считали целесообразным так же поступать с языком родителей и/или большей части их сограждан. Наиболее важными причинами являются: (1) утрата использования языка в городе и даже в деревнях; (2) несовершенное обучение языку в школе; (3) отрицательные стереотипы о чувашском языке, культуре и народе; (4) разница между любимыми

занятиями молодых горожан и чувашской культурой, которую они знают; (5) чувство, что чувашский язык бесполезен, чтобы процветать социально и экономически, кроме как в рамках политики (но политика является непрестижной среди анкетированных). Несмотря на это, (1) они сохраняют, в разной степени, положительную эмоциональную связь с Чувашией; (2) хотя для них изучение чувашского языка сыновьями и дочерьми не важно или маловажно, они не против него; (3) они улучшили свое мнение о чувашском языке благодаря знакомству с двуязычным положением за рубежом. Кроме того, они считают, что правительство мало действует в пользу чувашского языка и главным образом поступает лишь формально. Но в то же время существует большая разница мнений о том, должно ли правительство эффективно действовать по расширению сферы использования чувашского языка в обществе.

Однако расширение оказывается необходимым, чтобы переломились отрицательные стереотипы о языке, чтобы сочеталась доминирующая часть чувашской культуры с интересами городского населения, чтобы чувашский язык являлся значимым фактором социального и экономического подъёма вне политической карьеры и чтобы молодёжь не потеряла полученные знания чувашского языка. Но, несомненно, в результате отсутствия передачи языка из поколения в поколение в городе, начала этого же процесса в районных центрах и распределения населения между городом и селом очень важно улучшить преподавание чувашского языка для русскоговорящих детей. Именно это наблюдается во многих подчинённых языковых сообществах в мире, например у каталонцев, басков, галисийцев, окситанцев, бретонцев или валлийцев (Об этом существует обширная библиография, см.: [10, 15], а также 40 «Региональных досье» Mercator по преподаванию разных региональных языков Европы, <http://www.mercator-research.eu/research-projects/regional-dossiers/>).

Вообще, обязательное преподавание непрестижного языка в школе оказывается двусторонним. С одной стороны, это действие является просто необходимым в таком регионе, как Чувашия, чтобы позволить широкое использование данного языка в обществе. Но, с другой стороны, если обязательное преподавание является неэффективным в резуль-

тате использования устаревших методик и отсутствия поддержки другими действиями, тогда оно может даже навредить общественному мнению о языке [2, с. 14–17]. Необходимо обращать внимание на то, что такого эффекта трудно достичь с преподаванием престижных языков, например английского, даже если они преподаются также неэффективно. Дело в том, что они пользуются общественной благосклонностью. В то же время языковая политика не может опираться лишь на преподавание языка в школах, потому что такое действие является бесперспективным [1].

Преподавание языка является ключевым для будущего народа, потому что русскоязычные монолингвы в Чувашии являются очень склонными считать себя русскими по национальности. В том числе можно рекомендовать идти к инклюзивному самосознанию, которое позволило бы развитие совмещённого национального самоопределения русско-чувашского (или чувашско-русского), по образцу других меньшинств вне России (для актуальной широкой дискуссии о национализме с точки зрения сравнительной политологии [13]). Если только в таком совмещённом самоопределении сохраняется языковой фактор как важный элемент чувашского компонента самосознания, это способствовало бы сохранению языка и овладению им новыми поколениями, говорящими на нём, включая и людей нечувашского происхождения.

В заключение хотелось бы отметить, что важно было провести похожий анализ мнений и отношения к чувашскому языку в других коллективах Чувашии – как в городе, так и в деревне, как среди носителей русского языка, так и среди носителей чувашского языка – для лучшего понимания представлений жителей Чувашии о чувашском языке, культуре и народе. Не менее важно было бы исследовать силу стереотипов и механизмов их распространения и укоренения с целью улучшения борьбы с ними. По мнению автора, большая вина лежит на образовательной системе, но было бы грубой ошибкой обозначать только одну причину; кроме того, необходимо иметь в виду, что образование является средством для продвижения идеологии доминирующей группы, но оно не является создателем этой идеологии. Для этого исследования можно использовать междисциплинарные теоретические разработки Т. ван Дейка, который комбини-

рует социальную психологию, социологию и анализ дискурса [11, 12]. Наконец, является исключительно важным распространить в обществе и, в частности, среди школьников знания о других ситуациях социального билингвизма, где билингвизм является аддитивным, а не субстративным, как в Чувашии. Чуваши входят в число наиболее крупных по количеству (из 200) языковых меньшинств Европы, но позиция в обществе чувашского языка находится далеко от той, которую занимают языки некоторых других европейских меньшинств с меньшим общим числом говорящих и меньшим пропорциональным количеством носителей на их территориях.

Литература

1. *Алос и Фонт Э.* Оценка языковой политики в Чувашии. Чебоксары, 2011.
2. *Алос и Фонт Э.* Чăваш чĕлхин социаллă нормализацийĕ хăш мелпе пулать? // URL:<http://ru.chuvash.org/blogs/comments/1533.html>. 2009.
3. *Бойко И.И.* Проблема равенства языковых прав в образовании // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. М., 2010.
4. *Васильева О.* Чувашская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000.
5. *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005.
6. *Иванов В.П.* Этнические процессы у чувашей в конце XX в.: итоги и тенденции // Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 2. С. 273–305.
7. Говорят ли дети по-чувашски?/Игнатъева А.П. [и др.]/URL:http://gov.cap.ru/home/121/raznoe/chuvash_yazyk/laboratorija. 2009.
8. *Насырова О.Д.* Проблемы языковой жизни Чувашской Республики // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 130–139.
9. *Boix i Fuster E., Vila i Moreno F.* Sociolingüística de la llengua catalana. Barcelona, 1998.
10. *Cenoz J.* Towards Multilingual Education: Basque Educational Research in International Perspective. Bristol, 2009.
11. *Dijk T. van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998.
12. *Dijk T. van.* Ideologia y discurso. Barcelona, 2008.
13. *Greenfield L., Eastwood, J.* National Identity // *Boix, C., Stokes, S.* (под ред.) The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford, 2007. С. 256–273.
14. *Junyent C.* Vida i mort de les llengües. Barcelona, 1992.
15. *Myers-Scotton C.* Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism. Malden, 2006.
16. *Pujolar J., González I., Martínez R.* Les mudes lingüístiques dels joves catalans // Llengua i Ús №48, 2010. С. 65–75. URL:http://www6.gencat.net/llengcat/liu/48_42.pdf.
17. *Ruiz i San Pascal F., Sanz i Ribelles R., Solé i Camardons, J.* Diccionari de sociolingüística. Barcelona, 2001.